

Liadov. Kikimora

Liadov. Dance with the Gnat (from 8 Russian Songs)

By the time Anatoly Lyadov was instructing young Prokofiev in the late 1900s at the St. Petersburg Conservatory, he had already composed what would turn out to be his most famous work, the symphonic poem *Kikimora*, op. 63 (1909), which, together with *Enchanted Lake*, was meant to be a part of a fantastic opera that Lyadov never finished. He had trouble with finishing projects throughout his career and was not known for immersing himself fully into his work (a fact that has led to something of a mandatory refrain in music criticism to note that Lyadov's claim to fame rests on the music he *didn't* compose). This much said, Lyadov was certainly one of the leading musical figures in pre-revolutionary Russia, who left an indelible mark on the St. Petersburg music scene as a pedagogue and promoter of contemporary music. Besides instructing Prokofiev, he was also the teacher of Asafiev, Myaskovsky, and the Imperial Russian Music Society excelled under his baton in the 1890s. Stravinsky remembers Lyadov as “a small man with a sympathetic, squinting face and few hairs upon his head. He always carried books under his arm — Maeterlinck, E.T.A. Hoffmann, Andersen: he liked tender, fantastical things. He was a short-winded, pianissimo composer who had a good harmonic sense and always presented his music well instrumentally.”

This last remark about Lyadov's considerable talent for orchestral color is well-deserved. If anything, orchestration is crucial in a piece like *Kikimora*, which continues the “fantastic” tradition in Russian music that stems as far back as Glinka's opera *Ruslan i Lyudmila* and includes along the way such beloved masterpieces as Rimsky-Korsakov's *Sheherazade* and Balakirev's *Tamara*. Just like *Baba Yaga* (another one of Lyadov's successful symphonic poems), *Kikimora's* title refers to a mythical creature that, according to folk legend, must be appeased by washing dishes and pans in fern tea (!) lest one wishes to bring disaster upon one's household. Lyadov uses many an orchestral device to tone-paint Kikimora's capricious and unpredictable nature: from the ominous, low introduction to the shimmering tremolos in the strings to the fast chromatic descents in the woodwinds towards the end of the piece. The blithely concluding portion of the piece, with its twisting and turning melodic fragments, may well refer to the Kikimora's propensity to spin fast in one place, hollering and shrieking, as she announces the coming of bad times.

*Eight Russian Popular Songs (8 chants populaires russes)*, op. 58, were composed in 1906. “I Danced with a Gnat,” is the fourth in the collection. In this short song, the melody is carried in the high winds (flute and piccolo) and is accompanied in a typical Liadovian fashion by playful trills in the strings, doubtless representing the swift wings of the darting gnat. This is no “Flight of the Bumblebee” in terms of duration or the technical demands placed on the orchestra, but it is just as entertaining.

К тому времени, когда Анатолий Лядов вел занятия с юным Прокофьевым в Санкт-Петербургской консерватории в конце 1900-х, он уже сочинил симфоническую поэму «Кикимора»—произведение, которое стало его наиболее знаменитой работой (оп. 63, 1909). Материалом и «Кикиморь» и также другой симфонической поэмы, «Волшебное озеро», послужили отрывки из фантастической оперы, которую Лядов так никогда и не закончил. В течение всей своей карьеры Лядов испытывал непреодолимые затруднения с окончанием своих произведений, никогда не погружаясь в работу целиком. Это обстоятельство привело впоследствии к звучащим рефреном в музыкальной критике замечаниям, что известность Лядова основывалась на музыке, которую он НЕ написал. Тем не менее, Лядов безусловно был одним из ведущих музыкальных фигур в предреволюционной России и оставил неизгладимый след на Санкт-Петербургской музыкальной сцене как педагог и как пропагандист современной музыки. Помимо Прокофьева, он преподавал композицию Асафьеву и Мясковскому, и Русское Императорское музыкальное общество процветало под его управлением в 1890-х годах.

Стравинский помнил Лядова как «небольшого человека с симпатичным прищуривающимся лицом и реденькими волосами на голове. Подмышкой он всегда носил книги – Метерлинка, Е.Т.А. Хоффмана, Андерсена: он любил нежные фантастические вещи. Он был композитором пианиссимо, не нацеливающимся далеко вперед, имевшим отличное гармоническое чутье и великолепный дар оркестранта».

Это последнее замечание относительно большого таланта в палитре оркестровки совершенно справедливо. В самом деле, оркестровка играет ключевую роль в пьесе, подобной «Кикиморе», которая продолжает «фантастические» традиции в русской музыке, берущие начало еще в опере Глинки «Руслан и Людмила» и включающие такие любимые всеми шедевры, как «Шехерезада» Римского-Корсакова и «Тамара» Балакирева. Подобно «Бабе-Яге» (другой успешной симфонической поэме Лядова), название «Кикимора» отсылает к мифологическому созданию, которое, согласно народной легенде, должно быть умиротворено посредством мытья посуды и горшков в папоротниковом чае. Лядов использует много оркестровых инструментов для звуковой характеристики капризной и непредсказуемой природы Кикиморы—от зловещего вступления в низком регистре до сверкающих тремоло струнных и хроматических пассажей духовых в конце пьесы. Игривая заключительная часть пьесы с ее неожиданными причудливыми поворотами и зигзагами мелодии вполне соотносится с пристрастием Кикиморы крутиться волчком, с выкриками и воплями, когда она прорицает наступающие плохие времена.

«Восемь русских популярных песен» (оп. 58) были написаны в 1908 году. «Я тащевала с Комаром» - четвертая в коллекции. В этой короткой песне мелодия ведется высокими духовыми (флейта и пикколо), которым аккомпанируют – в типично лядовской манере – шутовые трели струнных, несомненно иллюстрирующие проворные крылья мчащегося стрелой комара. Эта миниатюрка— конечно же, не «Полет шмеля» в смысле продолжительности или технической нагрузки на оркестр, но в равной мере забавна.